

исключающих доступ к нему участников со стороны защиты, по правилам хранения данных о личности защищаемого лица (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

Цифровизация не должна превращаться в формализацию процесса в ущерб установлению истины. Только при условии жесткой регламентации технических параметров и внедрения дополнительных гарантий безопасности дистанционное опознание сможет стать полноценным и достоверным инструментом современного правосудия.

Список использованных источников:

1. Воскобитова, Л.А. Уголовное судопроизводство: трансформация теоретических представлений и регулирования в условиях цифровизации / Л.А.Воскобитова. – Москва.: Норма, 2022. – 288с.
2. Гришина, Е.П. Использование систем видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве: современные реалии и перспективы развития / Е.П. Гришина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 1 (47). – С. 110-116.
3. Зайцев, О.А. Цифровизация уголовного судопроизводства и государственная защита участников процесса / О.А. Зайцев // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 222-227.
4. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р.С. Белкин. – Москва: Юристъ, 1997. – 480 с.

ПОНУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ментюкова М.А.,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат юридических наук, доцент

Чернышов А.Ф.,

студент Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Возрастающая распространённость преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в информационно-телекоммуникационных сетях, включая интернет и мессенджеры, придаёт особую актуальность вопросам их квалификации, в том числе квалификации понуждения к действиям сексуального характера с использованием цифровых технологий. Согласно данным Генеральной прокуратуры России [1], за последние 14 лет число подобных деяний увеличилось на 44 %, причём более половины случаев связаны с участием лиц, состоящих в той или иной форме знакомства с потерпевшими, в т.ч. виртуального. Высокая степень латентности таких преступлений в онлайн-среде осложняет их выявление и пресечение, что не только наносит непосредственный ущерб жертвам, но и подрывает

общественное доверие к институтам власти и правоохранительной системе в целом. В этой связи совершенствование механизмов расследования и противодействия преступлениям указанной категории в цифровой среде становится насущной задачей, требующей углублённого анализа причин и условий их совершения, а также выработки эффективных мер противодействия.

В современной уголовно-правовой доктрине преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности рассматриваются как посягательства на два взаимосвязанных объекта уголовно-правовой охраны, что предопределяет специфику соответствующих составов преступлений. При систематизации преступлений сексуального характера широкое распространение получила классификация, базирующаяся на дифференциации по видовому объекту преступного посягательства. В рамках данной схемы особый интерес представляет предложенная А.В. Корнеевой категоризация деяний в сфере половых отношений, согласно которой они подразделяются «против половой свободы личности (ст. 131–133 УК РФ) и половой неприкосновенности, нравственного и физического здоровья несовершеннолетних (ст. 134–135 УК РФ)» [2, с. 87-88]. Данная типология представляется обоснованной и в существенной степени коррелирует с концептуальными основаниями, легшими в основу структурирования главы 18 УК РФ.

Обратим внимание на то, что в рамках главы 18 УК РФ [3] понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) классифицируется как ненасильственное преступление против половой свободы личности, что предопределяет специфику его юридической квалификации в условиях использования ИТКС. В частности, при установлении состава деяния акцент смещается с физического воздействия на способы психологического давления и манипуляции в цифровой среде, в число которых могут входить: шантаж интимными фото/видео с угрозой их распространения в сети; угрозы через мессенджеры, соцсети, игровые платформы; использование фейковых аккаунтов или ботов для давления; вымогательство под угрозой публикации персональных данных (доксинг).

Подобная нормативная конструкция требует анализа данного состава преступления с учётом специфики онлайн-взаимодействий, а также характера виртуальных взаимоотношений между виновным и потерпевшим, поскольку от корректной оценки средств воздействия и наличия зависимых отношений напрямую зависит отграничение ст. 133 УК РФ от смежных составов, в том числе насильственных преступлений сексуального характера.

Квалификация понуждения к действиям сексуального характера в информационно-телекоммуникационных сетях характеризуется рядом особенностей, определяющих специфику данного состава преступления. Основной объект уголовно-правовой охраны в рамках данной нормы – половая свобода либо половая неприкосновенность личности, что прямо закреплено в положениях статьи. Вместе с тем анализ диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ показывает, что преступление может затрагивать и факультативные объекты,

такие как деловая репутация лица либо его имущественные права, в т.ч. в цифровой среде (например, угроза уничтожения цифровых активов).

Круг потерпевших дифференцирован в зависимости от части статьи. Так, в рамках ч. 1 ими могут выступать исключительно совершеннолетние лица любого пола, тогда как ч. 2 и ч. 3 предусматривают защиту несовершеннолетних, что отражает повышенную степень общественной опасности посягательств в отношении уязвимых категорий граждан в онлайн-пространстве. Особого внимания при квалификации заслуживает вопрос адресата угроз, используемых в качестве средства понуждения. Как отмечается в правовой доктрине, «при понуждении того или иного лица к действиям сексуального характера угрозы в качестве адресата могут иметь как само лицо, которое понуждают к данным действиям, так и близкие ему лица, но способы самого преступного деяния могут быть обращены только к принуждаемому (потерпевшему) лицу» [4, с. 71].

В рамках данной нормы объективная сторона преступления раскрывается через совокупность действий побудительного характера, направленных на склонение потерпевшего (потерпевшей) к совершению полового сношения, мужеложства, лесбиянства либо иных действий сексуального характера посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Ключевым элементом, формирующим состав правонарушения, выступает наличие воздействия на волю потерпевшего лица, которое реализуется посредством угроз либо иного давления в цифровой среде – как непосредственно жертве, так и её близким. Существенно, что юридическая оценка деяния не зависит от фактического достижения преступником поставленной цели. Так, преступление признаётся оконченным в момент осуществления самого понуждения, то есть с того момента, когда виновный предпринял целенаправленные действия в сети, оказывающие давление на потерпевшего с целью склонить его к совершению соответствующих действий сексуального характера. При этом фиксация доказательств (скриншоты, логи переписки) приобретает особое значение.

Законодательство устанавливает общий возрастной порог привлечения к уголовной ответственности – 16 лет, при этом пол субъекта не имеет значения: им может выступать как мужчина, так и женщина. Характерной чертой квалификации по п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ выступает вариативность признаков субъекта, которая непосредственно обусловлена содержанием объективной стороны преступления. В случаях, когда понуждение реализуется посредством шантажа либо угроз в сети, субъект преступления носит общий характер – им признаётся любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. При этом специфика способа совершения преступления может обуславливать наличие специального субъекта, например, лица, контролирующего платформу или имеющего доступ к персональным данным пользователей.

С криминологической точки зрения типичный портрет субъекта рассматриваемого преступления весьма своеобразен. По мнению И.В. Дубакиной, как правило, это лица мужского пола в возрасте 17–25 лет, обладающие относительно высоким уровнем образования и навыками работы с компью-

терными технологиями [5, с. 166]. Примечательно, что данные лица зачастую ранее не имели судимостей и не имеют явных психических отклонений, однако демонстрируют высокий уровень владения социальными сетями и могут обладать навыками взлома электронных систем.

При анализе особенностей квалификации понуждения к действиям сексуального характера значение приобретает исследование субъективной стороны преступления, которая характеризуется исключительно прямым умыслом. Данное положение означает, что виновное лицо в полной мере осознаёт общественно опасный характер своих действий в цифровой среде, а именно оно понимает, что посредством давления, угроз либо шантажа в сети целенаправленно принуждает потерпевшего к совершению действий сексуального характера, и предвидит наступление соответствующих последствий для половой свободы и неприкосновенности личности.

Сознательный характер деяния проявляется в том, что субъект не просто допускает возможность оказания воздействия на волю жертвы в онлайн-формате, но изначально выстраивает своё поведение как систему целенаправленных действий в сети, рассчитанных на преодоление сопротивления потерпевшего. Мотивационная составляющая при этом может варьироваться, однако доминирующим побуждением выступает стремление получить сексуальное удовлетворение либо обеспечить его получение иным способом через склонение жертвы к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

Таким образом, для квалификации деяния по п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ важно установить не просто факт понуждения в информационно-телекоммуникационной сети, но и чёткое осознание виновным сути совершаемых действий, их направленности на нарушение половой свободы потерпевшего в цифровой среде, а также его целенаправленное желание добиться желаемого результата путём оказания давления. Отсутствие прямого умысла либо его подмена иными формами вины исключает возможность привлечения к ответственности по указанной статье.

Список использованных источников:

1. Показатели преступности России. Динамика // Портал правовой статистики. – URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 06.04.2026).
2. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Рарога. – М.: Юристъ, 2001. – 559 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Конорезов Н. А. Проблемы интерпретации объективных признаков состава понуждения к действиям сексуального характера / Н.А. Конорезов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 11-2. – С. 70-75.
5. Дубакина, И. В. Особенности криминалистической характеристики понуждений к действиям сексуального характера, совершенных в сети Интернет в отношении несовершеннолетних потерпевших / И. В. Дубакина // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2021. – № 1(31). – С. 165-169.